

А.Н. Соболев

**Загробный Мир по древнерусским
представлениям**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

A11 **А.Н. Соболев**
Загробный Мир по древнерусским представлениям / А.Н. Соболев – М.: Книга по Требованию, 2024. – 86 с.

ISBN 978-5-458-24504-3

В предисловии к изданию автор книги пишет: "Далеко за горизонтом скрывается жизнь древнерусского человека. Многими прошедшими столетиями заставлена она от нашего взора, но заглянуть в эту далекую жизнь представляет много интереса. Там, в глубине веков, жил наш предок, он мыслил и действовал; он слагал свои взгляды на природу и самого себя, слагал свои представления на жизнь и смерть, развивал свои религиозные воззрения, устанавливал обряды, устраивал свое общество, выражал свои мысли посредством членораздельных звуков, пел песни и былины и изображал свои мысли письменами...". По словам автора, заглянуть в эту далёкую жизнь - задача его труда. В книге Соболев, ставя перед собой задачей решение вопроса, как предок представлял себе загробный мир, сначала излагает процесс развития эсхатологических представлений наших предков.

ISBN 978-5-458-24504-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригиналe, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

хранят и развиваются сохранившийся от глубокой древности репертуар похоронных песен, или, как мы уже их называли, заплачек, причитаний. «При должном внимании, — говорит Барсов, — к этим народным плачам нельзя не заметить, что в них отражаются следы верований разных доисторических эпох относительно духовного бытия, смерти и посмертного существования: в народном сознании сталкивались и пересекались разные мировоззрения, образовались целые религиозные наслоения, которые, в свою очередь, не совсем вытеснены учением христианским, и вот в плачах еще виднеются обломки этих доисторических созерцаний, которые, однако, относятся к простой народной вере, как непосредственной ее стихии» [18, 10].

Поэтому, пользуясь причитаниями, мы можем заглянуть в прошлое нашего предка и яснее представить себе его возвретия на загробный мир.

При разработке нашего вопроса о представлениях загробного мира древне-русским человеком помогут нам также и духовные стихи. Слагаясь народом уже в христианстве, духовные стихи, однако, носят в себе много черт языческой старины. Поэтому, пользуясь ими, мы не только можем заглянуть в язычество предка, но будем иметь возможность показать, как изменилось возврение предка на загробный мир под влиянием христианства.

Выделив в отдельные рубрики более важный материал, необходимо сказать, что и все другие произведения русской народной словесности: загадки, пословицы, легенды, песни, былины, заговоры, обрисовывая духовную физиономию русского народа, могут быть для нас светочами далекого прошлого предка. Действительно, какую бы форму народных произведений мы ни взяли: загадку ли, сказку ли, песню ли, — мы везде найдем, кроме настоящих возвретий народа, указание и на прошедшие. В них наряду с христианскими возвретиями обрисовываются тени и верований прошедших. Народ сохранил эти тени как завет старины. Поэтому, как носители возвретий предка, все произведения народной словесности могут оказать нам в той или иной мере услугу — помогут сказать, какое древнерусский человек имел представление о загробном мире.

Вот весь тот материал, который поможет нам нарисовать картину представлений загробного мира древнерусского человека.

ВОПРОС О БУДУЩЕЙ ЖИЗНИ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ДРЕВНЕГО ЧЕЛОВЕКА

Ни одно из явлений мира физического, доступных наблюдению человека, не производит на него такого глубокого, удручающего впечатления, как смерть — этот неумолимый закон: «Земля еси и в землю отыдеш». Но смерть — такое естественное, обыкновенное и ежедневное явление, что она, по-видимому, не должна бы производить никакого удручающего впечатления; человек, казалось бы, должен привыкнуть к ее частым посещениям, к ее жатве жизни каждый день и каждый час, однако, несмотря на суровую, законную необходимость смерти, ее явления всегда действуют удручающе. В чем же скрыта причина такого действия на человека смерти? В чем причина гнетущего впечатления, производимого ее явлением?

Среди житейской суеты, среди впечатлений жизни, охватывающих своим разнообразием, человек обыкновенно редко задумывается над задачей своего существования, и только смерть, только эта злодейка-душегубица, вырвав из мира живых кого-либо из близких, заставляет задуматься его над смыслом жизни, обратиться к тайникам души и вспомнить свой нравственный долг.

Только у бездыханного трупа человек задумывается о цели своей жизни, старается определить, что будет за гробом, но его внешним чувствам в этом акте жизненной драмы доступен один бездыханных труп, о загробной же жизни приходится гадать:

...Что будет там?

Там, откуда никогда ни один пришелец не возвращался.

Этот неразрешимый вопрос останавливал умы всех народов. Все они, даже на первых ступенях своего развития, старались его решить и создать себе то или иное представление о загробном мире. Старались представить себе загробную жизни и наши предки. Но каково было их представление о загробном мире?

В раннюю языческую пору своего бытия наш предок жил под неотразимым влиянием окружающей его природы. Природа была для него самым главным фактором его жизни: она учила его и давала ему материал для образования логических понятий, она развивала его и воспламеняла фантазию. Предок на миг не мог оторваться от ее груди. Он «любил ее и боялся ее, с детским простодушием и

с напряженным вниманием следил за ее знамениями, от которых зависели и которыми определялись его житейские нужды» [11, 57]. Он видел в природе подобное себе живое существо: думающее, страдающее, любящее, ненавидящее, выраждающее свободу своей воли в движениях и пр. [38, 653]. Мы до сих пор выражаемся: буря воет, гром ударяет, солнце восходит или садится, ветер свистит, хотя и не думаем при этом, чтобы солнце обладало ногами для ходьбы, что ветер производит свист губами, гром бросает молнии руками. Древний же человек соединял с этими названиями самые конкретные понятия обозначаемых им предметов, потому что явления природы он мог понимать только через сближение со своими собственными ощущениями и действиями, а

так как последние были выражением его воли, то он, естественно, должен был заключать о существовании другой воли, подобной человеческой, кроющейся в силах природы [11, 59]. Так, для простого, неразвитого человека земля, напр., не была бездушной; он наделял ее чувствами и волей. К ней обращался он во время жатвы, заговаривая себя от нечистой силы [164, 147], верил в ее карающую силу [30, 44] и считал ее источником могущества [6, 119]. Народ наш до сих пор называет небо отцом, батюшкой, а землю — матушкой, кормилицей [11, 129; 57, 1029; 60, 608]. Богатыри, поражающие лютых змеев, в ту минуту, когда им грозит опасность быть затопленными кровью чудовища, обращаются к земле с просьбой: «Ой, ты еси мать-сыра земля! рассту-пися на четыре стороны и пожри кровь змеиную» — и она расступается и поглощает в себя потоки крови [11, 143; 21, № 121, 122, 123]. При таких взглядах на природу наш предок не мог возвыситься далее чувственного, материального, и это можно видеть из его представлений загробного мира.

Всматриваясь в явление смерти и ища разрешения его, далекий предок наш прежде всего должен был остановиться на самом акте смерти. Он видел бездыханный труп и вместе с этим трупом и живой организм. Кроме этого, его поражала резкая перемена, происходившая в организме человека: организм полон жизненной силы, но вот мгновение — и уже в нем нет ни одного признака этой силы, он неподвижный и холодный труп покойника. Перед предком-язычником невольно становились вопросы: что за таинственная сила, которая производит такое разрушающее действие, что живило организм, куда уходит обитавшая прежде в организме живая сила, оставляя, по своему уходе, только труп? Предку-язычнику нужно было подыскать какое-либо объяснение первым для него вопросам, чтобы темнота не могла тяготить его. Куда же он обращался за разъяснением и где его для себя старался найти? Естественно, что прежде всего за разъяснением он обращался к окружающему его миру и искал подобия аналогичных случаев и, наблюдая их, старался объяснить поставленные себе самому вопросы.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СМЕРТИ

Живя тесной жизнью с природой, понимая ее по аналогии со своим собственным существованием, предок видел, что с заходом солнца на ночь дневная жизнь прекращается, в природе все погружается в мрак и засыпает; видел он также, что с помрачением ярких лучей солнца зимними туманами и облаками начинаются стужи и морозы, небо перестает посыпать дожди, природа замирает, ее летняя деятельность прекращается; когда же дневное светило появляется, мрак пропадает и снова начинается день, снова все приходит в движение. Явившаяся же с теплыми лучами солнца весна пробуждает природу, и в ней начинается кипучая жизнь и деятельность. Видел это предок в природе и, обращаясь к трупу и своему живому организму, замечал, что тело живет внутренней силой, теплотой, заключенной в нем, — цепнеет же и лишается деятельности с исчезновением внутренней теплоты, внутренней силы, и у него возникает вожделение, по которому жизнь отождествляется им со светом и теплотой, а смерть — с мраком и холодом [147, 33]. Следы вожделения на смерть как на мрак и холод мы встречаем у родственных нам народов. Так, у чехов в Кралеворской рукописи мы находим такое выражение: «ро puti wsei z vesny po Moranu», т. е. на пути от весны до Морана; здесь под весной разумеется юность, жизнь, а под словом Морана — старость, смерть и зима [13, 35]. Или в другом месте про убийство Власлава говорится, что он повалился на землю:

...wstati ne mazese;

Morena iei sypdse w poc emu1.

Встречаем следы этого вожделения и на Руси в похоронной причети, где часто повторяется, что человек умирает:

Вроде солнышко за облака теряется,

или:

Красно солнышко Укатается за горы толкучие, За леса дремучие, В водушки глубокие [18, XII].

«Зашло мое солнечко красное» [13, 36 - 37] — причитает мать на могиле дочери. Везде здесь мы видим,

что жизнь человеческая скрывается и закатывается подобно тому, как ежедневно закатывается и скрывается от нас солнце и вся природа погружается в мрак.

Действительность воззрения на смерть как на мрак и холод отражается и в языке. Так, наш глагол «околеть» употребляется в двояком смысле: «озябнуть» и «умереть», а глагол «истывать (стынуть) — в смысле: «издыхать». Слова же «смерть, мор, умирать» в основе своей имеют общий корень со словами «мрак, мерцать, померкнуть» [11, 101; 29, 69; 223, 31; 226]. Если же поглядим в термины, обозначающие в языках индоевропейских народов понятие смерти: санскритск. «mrin mrije», греческ. meirein, литовское «mirti», то увидим, что и здесь все эти термины, как и наши слова: «умирать», славянское «мрети», произошли от корня «mri» (усиленное «mag»), выражающего впечатление мрака,

'Встать не может; Морана его усыпила в черную ночь [13].

холода, пустыни, увядания [91, 174; 131, 299 - 316], что еще больше подтверждает мысль, что наши предки смерть отождествляли с мраком и холодом.

Акт смерти, кроме мрака и холода, напоминал предку и акт сна. Отсюда у него появляется воззрение, что смерть есть сон. Такое воззрение могло быть естественным следствием более раннего, вышеупомянутого воззрения, по которому смерть отождествлялась с мраком. Действительно, если смерть отождествлялась с мраком, то вместе с тем она должна была отождествляться и соумерший [13, 36]. сном, в который погружает всю природу зимний мрак. Могло такое воззрение сложиться и под влиянием того обстоятельства, что сон неразлучен со временем ночи, а заснувший напоминает умершего, потому что он так же смежает свои очи и так же делается недоступным впечатлению света, как и

Указания на отождествление смерти со сном или, по крайней мере, веру в их близкую связь между собой мы встречаем еще у греков. Так, Гомер в своей «Илиаде» называет Смерть и Сон близнецами, а Гесиод —

чадами Ночи. Греки и римляне признавали Upnos-Somnus братом Смерти: оба брата живут на западных границах мира — в глубоком подземном мраке, возле царства мертвых; там возлежит Somnus на маковых снотворных цветках в сладком покое, а вокруг его ложа толпятся легкие сновидения в неясных образах [13, 36]. Выражения, влагаемые русскими и другими славянскими сказками в уста богатырей, воскресающих после смерти, доказывают существование подобных же воззрений и у славянских племен. Обыкновенно богатырь или сказочный герой, получая снова жизнь от окропления живой водой, говорит: «Ах, как же я долго спал!» В Краледворской же рукописи читаем, что «Могепа» Власлава «sypase»⁸, а в одном болгарском причитании находим такое обращение к покойнице:

*Стани, Маро, разбуди се,
Време векье ие да станиш,
Да поможиш на майка ти.
Да донесиш ладна вода,
Да пометит, да исчистиш [237, 405].*

Здесь, как видим, к мертвой обращаются с тем, чтобы она пробудилась. Очевидно, что сон у родственных нам народов смешивался со смертью. Остаток представления акта смерти сном мы встречаем и на Руси в похоронной причети. Так, дочь, оплакивая смерть своего отца, прямо говорит ему:

*Стань, пробудись, мой родимый батюшка,
От сна от крепкого,
От крепкого сна, от мертвого [18, 59].*

В другом месте, чтобы пробудить мать от мертвого сна, дочь обращается за содействием к «буйным ветрам», говоря:

⁸*Морана Власлава усыпила [13, 35].*

*Возбушуйте, ветры буйные, Со всех ли четырех сторон, Понеситесь вы к Божьей церкви,
Разметите вы сыру землю, Вы ударьте в большой колокол, Разбудите мою матушку [18, 68].*

«Встань, моя матинько! Встань, моя роднесенька!» [32, 51; 189, 93; 203, 701], — голосит малороссия. «Уж вы, наши родничькие, встаньте, пробудитесь, поглядите на нас!» — встречаем мы часто в причитаниях такое обращение к мертвцам; или «пришли-то мы на твоё жицьё вековешное, уж побудзиць-то пришли от сна крепкова» [164, 23; 189, 102]. Что акт смерти некогда представлялся сном, это доказывается употреблением в Архангельской губ. слова «живь» и производных от него слов в значении бодрствовать, не спать; напр.: «по вечеру, как это приключилось, вся деревня была еще

жива»; «мы зажили утром рано», т. е. проснулись [32, 16]. Язык особенно засвидетельствовал сродство означенных понятий (смерть-сон) до осязательной наглядности. До сих пор умерший называется «усопшим» (успившим, успение) от глагола спать, т. е. буквально умерший — это уснувший как бы на время; или умерших называют «покойниками», т. е. уснувшими вечным сном от житейской суеты; о рыбе говорят, что она «заснула» вместо: «умерла, задох-лась» [13, 38].

Так определил себе наш язычник-предок акт смерти. Он отождествил смерть с мраком, холодом и сном, но его разуму в явлении смерти нужно было открыть другую сторону, более внутреннюю. Ему нужно было определить ту таинственную силу, которая производила сам этот акт, ту силу, которая причиняет смерть; объяснить же себе эту силу младенческое сознание нашего предка могло не иначе, как представить ее материально, в каком-либо видимом образе.

Видя быстроту, с какой смерть появлялась то там, то здесь, унося с собой новые и новые жертвы, видя в ней неизбежный рок, от которого «ни моленем не отмолишься, ни слезами не отплачешься» [22, № 481, 482, 484, 137], жестокость, с которой, выражаясь словами Симеона Полоцкого: «смерть на лица не смотря-ет, царя и нища равно умерщвляет»⁹, видя, наконец, тот образ, в который смерть изменяет труп человека по его нетлении, предки представляли смерть то в образе птицы, то страшилищем, соединяющим в себе подобие человеческое и звериное, то человеком, то, наконец, сухим, костлявым человеческим скелетом.

Остаток древнерусских представлений смерти птицей мы находим и поныне. Так, в названиях смерти «крылатой» [21, 77] видно прежнее представление о смерти как о птице. В русских же загадках смерть прямо называется птицей.

На море, на Окиане, — говорит загадка о

смерти, —

На острове Буяне,

Сидит птица Юстрица;

Она хвалится, выхваляется,

Что все видала,

Всего много едала.

Видала царя в Москве,

Короля в Литве,

Старца в кельи,

Дитя в колыбели;

А того не ведала,

Чего в море не достало [164, 151].

Или:

Сидит птичка На поличке, Она хвалится, Выхваляется, Что никто от нее Не отвилается:

Ни царь, ни царица,

Ни красная девица [161, 218]¹⁰

Смерть является птицей и по причитаниям:

Видно налетела скорая смеретушка, —

читаем мы здесь, —

Скоролетною птицынькой,

Залетела в хоромное строеньице.

Скрытно садилась на крутоскладно на

зголовьице

И впотай ведь взяла душу с белых грудей

[158, 414].

Из птиц, олицетворявших собой смерть, наиболее употребительны были: черный ворон и сизый голубь. Подтверждение сказанного мы находим в следующих выражениях причитаний северного края:

Злодейка эта скорая смеретушка, Невзначай она в дом наш залетела. Она тихонько ко постели подходила. Она крадцы с грудей душу вынимала, И черным вороном в окошечко залетела [18, 212; 59, 363].

Или в другом месте:

Нонько крадцы пришла скорая смеретушка, Пробиралась в наше хоромное строеньице; По пути летела черным вороном, Ко крылечку прилетела малой пташечкой, Во окошечко влетела сизым голубком [18, 167; 59, 563].

¹⁰В некоторых загадках смерть называется уткой, орлом, напр.:

а) Сидит утка на плоту.

Хвалится казаку, —

Никто меня не пройдет:

Ни царь, ни царица

Ни красная девица.

б) «Летит орел чрез немецкие города, берет орел ягоды зрелые и незрелые» [161, 219]. Олонецкие загадчики-отгадчики рисуют смерть премудрою свою, которая сидит на крыше. «Не можно ее накормить ни попами, ни дьяками, ни пиром, ни миром, ни добрыми людьми, ни старостами» [88, 704].

Согласно с отождествлением понятий смерти и ночи, «смерть-перелетна птицынька» похищает свою жертву ночью. Так, в плаче о дяде двоюродном племянница с горестью вспоминает последние минуты жизни своего родственника; проводя почти всю ночь у постели больного, она плачет:

Под раннюю зорю да во под утренну Повышла на новы сени решетчаты. Отворила крылечико переное, Отодвинула дверь да тут дубовую, Откуль возмись перелетна эта птиченъка, Заблудяща, може, птиченъка заморская; Посмотрела я победная головушка, Аль сорока эта птица поскакучая, Аль вороница она да полетучая; Ах злодей эта — скорая смеретушка [18, 211].

Из того факта, что смерть древнерусский человек представлял птицей, для нас становится понятным, почему различные приметы и гадания касательно смерти у нас теперь сосредоточиваются преимущественно около птиц. Напр., карканье ворона^{10*}, крик совы или филина на крыле дома, влетевшая в дом ласточка [18, 300], видения во сне черных птиц¹¹ считаются предвестниками смерти. Все эти гадания и приметы не один простой плод выдумки современного человека, а пережиток «давно минувших дней, преданья старины глубокой», т. е. того времени, когда предок наш представлял смерть птицей.

Поражаясь злобным демоническим характером смерти, на которую, выражаясь словами пословицы, «что на солнце, во все глаза не взглянешь» [63, 212] и

^{10*} «Когда прилетит ворон и сядет на кровле покоев и будет кричать, — говорится в словаре Русских Суеверий, — то знаменует, что непременно в том доме умереть кому-нибудь скоро должно» [211, 51].

¹¹ Сырано автором в Покровском уезде Владимирской губ.

от которой «ни крестом, ни перстом не отмолишься», предок представлял себе смерть устрашающим чудовищем. В «Повести о прении Живота со Смертию» смерть называется «чудом», и вот как она здесь описывается:

Едет Аника через поле. Навстречу Анике едет чудо: Голова у него человечески, Волосы у чуда до пояса, Тулово у чуда звериное, А ноги у чуда лошадиный;

и это чудо говорит про себя:

Я смерть страшна и грозна, Вельми не померна [100, 183].

Правда, эта «Повесть» является нам в наследие только в рукописях XVII в., «однако, — говорит Афанасьев, — основная мысль ее — борьба Смерти с Жизнью, олицетворение этих понятий и внешние признаки, с которыми выступает страшная гостья Смерть, бесспорно принадлежат к созданию глубочайшей древности» [13, 45]. Указание на смерть как на ужасающее, подобное зверю чудовище мы находим и у родственных нам народов. Так, греки и римляне смерть представляли чудовищем, у которого на руках кривые когти зверя. Когтями смерть вонзается в свою жертву и высасывает из нее кровь [13, 43]. Это встречающееся у родственных нам народов указание на смерть как на звероподобное чудовище (она имеет руки, но как зверь пьет кровь) может еще более подтвердить нашу мысль, что наш предок в пору своего младенчества имел представление о смерти как о страшилище, соединяющем в себе подобие зверя и человека.

¹² Срвн. со списком о «Прении Живота со Смертию»: «Живот бе человек и прииде к нему Смерть. Он же устрашился вельми и рече ей: кто ты, о лютый зверь? Образ твой страшит мя вельми, и подобие твое человеческое, а хождение твое звериное» [13, 47].

Относительно представления предком смерти в образе человека подтверждение мы видим в похоронных причитаниях, где о смерти говорится, что идет

По крылечку она да молодой женой, По новым сеням да красной девушкой, Аль калекой она шла да переходей, Аль удалым добрым молодцем, Аль славным бурлаком Петербургским [18, 2].

Из человеческих образов смерть у предка носила образ женщины, на что указывает род слова «смерть». Обыкновенно ее предок представлял себе отвратительной старухой. Так, на юге и по сие время смерть представляется старухой с большими зубами, костлявыми руками и ногами, с косой и заступом [199, 233]. Белорусы представляют смерть женщиной-старухой, бледной и исхудалой, облеченней в белое покрывало [107, 40]. Великорусы — старухой с факелом в левой руке и косой в правой [193, 187].

или отвратительной захудалой старухой в белом саване с косой и граблями [164, 10 - 11].

Кроме указанных представлений у предка было еще представление о смерти как сухом, костлявом человеческом скелете с оскаленными зубами и провалившимся носом. «Это представление существовало, — говорит Афанасьев, — у всех индо-европейских народов» [13, 43], на Руси же его мы встречаем не только на лубочных картинах и в старинных рукописях, но и в представлениях современного простолюдина. Так, на лубочной картине, изображающей встречу Аники-воина со Смертью, смерть представлена человеческим скелетом с косой в правой руке, за спиной имеющей корзину с серпом, опором, граблями и стрелами [3, 227]. Подобное же изображение смерти мы находим и в рисунке рукописи конца XVII в [32, 624], а также в иллюстрации древнего раскольнического стиха «о умилении» [2, 9]. В «Житии Василия Нового» о смерти говорится, что она пришла к Феодоре, «как лев рыкая, образом зело страшна, подобия аки бы че-ловеческаго, но тела отнюдь не имуща, от единах то-чию костей человеческих составлена. Ноша же различная орудия к мучению: мечи, стрелы, копия, барды, косы, серпы, рожны, пилы, секиры, теслы, оскорды и удицы и иная некая незнамая» [162, 167]. Описание смерти как скелета находим и в «Унивар-сый рукописи» (XVIII в.), где говорится: «Показа архангел Михаил Аврааму смерть, сотвори ю страшную, сухую, зубатую, ребрату, голенатую и с кривою, острою косою и с граблями и с метлою» [238, 108].

Из народных же представлений о смерти как о скелете, являющихся пережитком старины, можно привести представления белорусов. Смерть белорус и поныне представляет человеческим скелетом, одетым в белый саван и имеющим в руках длинную и острую косу [107, 40].

В представлениях смерти скелетом замечательно то обстоятельство, что народная фантазия к скелету присоединяла атрибуты, заимствованные из своего быта, которыми легко могла быть уничтожаема жизнь. Так, в быт земледельческий смерть-скелет народ наделил: косой, серпом, граблями, заступом; в охотничий быт у скелета появляются стрелы и бердыши и, наконец, в позднейший воинский быт — меч и копье [19, 8].

Таково было решение предком вопроса: что за таинственная сила, которая лишает организм жизни, превращая его в труп.

Теперь мы познакомимся с тем, как предок разрешил себе второй вопрос: что живит организм? и какое он имел представление об этой, живившей организм, силе.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДУШЕ

Наблюдая явление смерти, предок замечал, что тело умершего в первые минуты остается таким же, как было при жизни, но в нем уже недостает чего-то, что не есть тело, вместе с чем умерший был прежде живым, мыслящим и сознающим существом. Обращаясь к трупу и живому своему организму, предок прежде всего замечал, что трупу недостает дыхания, повышающего и понижающего человеческую грудь. Отсюда у него является мысль, что дыхание и есть то нечто, которое делает человека живым, мыслящим и сознающим. Подтверждение этому мы находим в слове «душа», как родственном со словами: дух, дышать, дыхнуть, вздыхать — ив имени которой для человека сочетается представление как о причине жизни и о нечто таком, с чем человек является мыслящим и сознающим себя субъектом. Итак, акт смерти открывал человеку, что организм живит отдельное от тела начало — душа, без которой жить организм, или иначе, жить человек, бывает не в состоянии. Предок не мог оставить без внимания эту часть человеческого существа, имеющую такое важное для него значение. Он должен был на нее, как и на смерть, высказать свое воззрение.

Не возвышаясь своим младенческим умом выше чувственного, материального, предок имел материальное представление и о душе, подтверждение чему мы находим в языке. Слово, как нам известно, является как бы зеркалом, в котором отражается первоначальное понимание человека. Вникая в коренное значение слов, нельзя не заметить, что душу свою человек первоначально понимал не иначе, как в связи с явлениями внешнего мира. Это подтверждается словами: «душа, дышать, воз(вз)дыхать, д(ы)хнуть, дух (ветер), дуть, дунуть, духом быстро, скоро, воз-дух, воз-дыхание, вз-дох¹³. В силу этого душа в русском и других славянских наречиях удерживает материальный смысл преимущественно в тех выражениях, которыми живописуется кончина жизни человека, как напр.: «человек отдает душу, выпускает душу, испускает дух, душа выходит, душа улетела, смерть вынимает душу из белых грудей, душа у него вылетела» [143, III]. Такие выражения были бы невозможны, если бы с понятием души не соединялся материальный образ. Слово понимается каждым согласно с его образом мыслей, а народ, образуя язык, находился в периоде бессознательного обоготворения сил природы: следовательно, весь язык, пройдя этот период, удерживает на себе следы первоначального мышления. Изобразительность в наименовании духовных способностей произошла не от недостатка в словах и не от ограниченности самосознания, но от свежести воззрений на природу

и от веры в тайное с нею общение человеческой души.

Первобытному человеку все представлялось чудесным, божественным. Он во всем видел проявление одной живой силы — и потому легко отождествлял физические явления с духовными; он переносил свойства первых на последние и обратно.

"Корень этих слов в санскр. является в виде *dhi* (потрясать, двигать, дуть, раздувать) [13, 210; 224, 275].

Отсюда материальное представление души у него является неизбежным.

Мы в народных верованиях и доныне встречаем взгляд на душу как на нечто материальное, и эти верования могут служить вторым подтверждением нашей мысли, что предок имел материальное представление о душе. Так, в духовном стихе «О богатом и бедном Лазаре» говорится ангелам: «Положите душу на пелены» [21, 51, 79], из чего видно, что душа есть нечто материальное. У простого народа еще и поныне душа изображается как существо, которое может пить, есть, где-нибудь сесть, за что-нибудь ухватиться. В северо-западном крае, напр., до сих пор приносят на могилы: хлеб, блины, яйца, водку и т. п. и приглашают усопших «хлеба-соли откусывать» [189, 122]. В Вилейском уезде, Виленской губернии, перед Пятидесятницей, в день празднования «Дедов» (т. е. поминовения умерших) в доме на столах оставляют угощение, думая, что души умерших подкрепляют свои силы [92, 122]. В Витебской губ. в поминальные дни собравшиеся кладут на стол по ложке каждого подаваемого кушанья в надежде, что «дзедоу» съедят [220, 683]. В Олонецком kraе не исключают возможности угощать души умерших даже вином и пивом. Сирота-дочь, будучи невестой, вот с какими словами обращается к своей умершей матери:

Родимая моя матушка!
Наталья свет Ивановна,
Тебе добро принять, пожаловать,
Стакан да пива пьяного,
Чарочку да зелена вина
От меня от бедной сироты!
На здоровье тебе вакушать! [18, 79].

При этом присутствующие вполне убеждены, что душа умершей принимает участие в подносимой ей чаше. В некоторых местах на Руси родственники умирающего, чтобы облегчить ему смертную борьбу, снимают над ним потолок или приподнимают матицу [130, 272]; затем, как только он умирает, немедленно отворяют окно, на которое иногда ставят чашку с водой и вешают полотенце, чтобы душа, улетая, могла умыться и утереться [18, 302; 59, 566; 116, 80-81]. В «Слове о полку Игореве» уже прямо говорится, что можно душу выронить из тела, как нечто вещественное. «Изяслав, — говорится здесь, — изрони жемчужну душу из храбра тела чрез злато ожерелье» [13, 212; 32, 141]. Существует также поверье, что мать умершая приходит кормить грудью ребенка и оставляет углубление на кровати, где лежала [15, № 205, 320^{ны}].

Вера в материальность души существовала и у родственных нам народов; как пример укажу на литовское заклинание умерших жрецом после похоронного пира. «Ели, пили, душицы! — обращается к невидимым умершим жрец, — а теперь, душицы, ну вэн (т. е. вон)!» [155, 105].

Имея материальное представление о душе, предок представлял себе ее в различных образах. Разбирая эти образы, мы прежде всего сталкиваемся со стихийным представлением души в образе ветра.

Живя тесной жизнью с природой, понимая ее по аналогии со своим существованием, предок-язычник видел, что природа живет, в ней как бы есть дыхание. Дыхание — это ветер, с прекращением действия которого в природе как бы все засыпает. Обращаясь к трупу и своему живому организму, предок замечал,

¹⁴ Характерно для нас современное учение спиритов, по которому вес человеческой души равен 3 или 4 унциям [239, 192].

Интересно также учение о душе Эпикура, который говорит: «Те, которые говорят, что душа бесстелесна, говорят бессмысленные вещи, потому что она не могла бы ни делать, ни чувствовать что бы то ни было, если бы имела такие свойства» [64].

что трупу недостает дыхания. Отсюда предок заключал, что дух или душа есть ветер. Такое представление о душе имели все индоевропейские и даже неиндоевропейские народы, о чем может свидетельствовать язык. Мы у всех этих народов находим обозначение души посредством слов, выражающих понятия: «ветер, дуновение» и пр. Так, русские «душа и дух» стоят в связи с литовск. «dausa (дыхание) и dusti (ышать)». Тесная связь понятий «дуть, дуновение, ветер», с одной, и «дух, душа», с другой стороны, является также при сравнении с латинск. «spiritus (дуновение, дыхание, дух, душа) и spirare (дуть, веять, дышать), anima, animus (дух, душа)» и греческ. ανεμος (ветер); греческ. «ρηπτια» (ветер, воздух, дух, душа) и ρηπω (дую, вею), υγχ (душа) и «υισειν» (из спре — дуть); ирландск. «anam» (душа) и «anail» (дуновение, дыхание); санскрит, «atman» (дух, душа) и

греческ. «autmhl» (дуновение, ветер); армянск. «antsn» значит: «дуновение, дух, душа», англосаксонск. «afole» — веяние, дух, душа (все эти слова образованы от корня an).

В языках неиндоевропейских встречаем: еврейск. «nefes и ruach», обозначающих: «ветер, бурю, дыхание, дух и душу», и такие же значения имеют: арабск. «nafs и ruh», китайск. «kih» — дыхание, впоследствии приняло значение: дух, душа; венгерск. «szellem» (дух, душа) происходит от «szel» (ветер); эвекое «gbogbo» (душа) основывается на коренном «gbo» (дуть, веять); гегерское «ombergo» означает как ветер, так и душу; вотятское «lul» — «дыхание, жизнь, душа [224, 275]; австралийское «waug» — дыхание, дух, душа; нетельское (Калифорния) «pints» — дух, душа; яванское «nawa» — дыхание, душа и т. д. [186, 14]¹⁰.

¹¹ Древнее воззрение «душа — ветер» отражается в библейском сказании о сотворении Богом человека, по которому Бог «вдунул в человека дыхание жизни

Представление души в образе ветра, как пережиток старины, мы на Руси можем усматривать и поныне. Так, в северной похоронной притчи находим такое место:

Вы разойдитесь, ветры буйные,

— плачет невеста на могиле матери, —

*Раскатитесь, белы камешки' Раскуйтесь, гвоздики шеломчатые, Покажись ка, гробова доска,
Развернись ко, белый саван, Откройтесь, оци ясные. Сговорите, золоты уста, Погляди тко, моя
ладушка'[18, 75, 33, 55, 163, 164]¹⁶.*

Причеть не случайно обращается к «ветрам буйным». Здесь мы встречаем не один только поэтический образ, а можем усматривать и сродство души с этой стихией или древнее представление о душе как ветре. Ветрам здесь как бы приписывается живительная сила. От их действия как бы ожидается «открытие оцей ясных» и говор «золотых уст», осмысленного же взгляда и речи можно ожидать только от живого человека, а не от мертвца... У мертвца, следовательно, ветер заменит то, чего ему недостает, чтобы быть живым, т. е. душу [18, 12]. Еще яснее можно видеть древнее представление о душе как ветре в существующих у нас суевериях. Когда слышится завывание ветра в трубе, суеверные люди говорят: «Чья-то душа родная жалуется, что ее не поминаем»¹⁷, или завывание ветра считают плачем

¹⁶ А ти, спирай земле, разисся, А ти, червоная калина, расхилися, А ти, дорогии каменю,
раскотися, А ти, скердиня труно, разицися, А ти, милая, обизвися¹ [36, 322]

¹⁷ Слышано автором во Владимирском уезде [18, ХII, 59, 566].

покойников, а срывание с домов бурей крыш считают за их недовольство [199, 35]. В некоторых местах России крестьяне положительно утверждают, что бури и вихри происходят от того, что кто-либо повесился, удушился или утопился, так как душа таковых людей, истогнутая из тела, в бурном полете устремляется в небесные пространства [13, 247]¹⁸. В Ушицком и Проксуковском уездах ветер и поныне считается умершим человеком, который бегает по белу свету и моргает одним усом [199, 33]¹⁹.

Помимо ветра, душа представлялась предку еще в образе огня, теплоты. Обращаясь к трупу, предок-язычник видел, что труп холоден: в нем он не находил той теплоты, того внутреннего огня, которые отличают живого человека от мертвого. Отсюда предок-язычник заключал, что теплота и ее ближайший источник огонь и есть душа, которая оставила труп. Такое его представление о душе подтверждалось наблюдением над природой: природа только тогда бывает полна жизни и деятельности, когда приходит лето с его светлым и теплым солнышком, во время же зимы она представляет холодный труп покойника. Такое представление о душе существовало у родственных нам народов. Так, по верованию индейцев, «Агни» (огонь), вселяясь в человека, дает ему жизнь [139, 688]. По мнению чехов, над могилами летают огненные душечки [91, 194]; в блуждающих огнях они видят души некрещеных младенцев. Тот же взгляд на блуждающие огни разделяют и лужичане [13, 198; 256, 353]. Отголоски представления предка о душе как об огне на Руси можно усматривать в существующих суевериях, по которым светящиеся на

¹⁸ По словам же якутов: ветры и метели вызывает всякое тело, не преданное похребению [166, 619].

¹⁹ Жизнь принималась за синоним духа и души [32, 139].

кладбищах огоныки — не что иное, как вышедшие души (Холмская Русь) [199, 46]. Простолюдины и по сие время блуждающие болотные, вследствие фосфорических испарений, огоныки признают за души усопших, некрещеных младенцев или вообще за души усопших [12, 80; 13, 197; 32, 139]. Характерна малороссийская сказка «О куме Смерти», указывающая на связь жизни с огнем. «Смерть, — говорит сказка, — жила пид землею, здоровецка хата уся була освичена свичками: де яки з»ных начыналы горити, де яки договорували и погасалы». Пришел к ней в гости кум и стал расспрашивать про свечи. Смерть отвечала: «Каждый человек, який тилько је на свити, має тут свою свичку; як вин тилько родыцьца — свич-ка запалюєтца, як свичка гасне — вин умирає». —«А где ж моя свечка?» — спросил кум. Смерть указала ему догорающий остаток, и когда тот стал молить, чтобы она удлинила его свечу, строго заметила ему: «Чи памъятаешь, що ты мене узяв за куму за то, що я живу по правди? чи уже ж с той поры, як ты став паном, тоби не мила правда?» [131 203]. Еще яснее связь понятий огня и жизни становится для нас в слове «воскресать», которое образовалось от старинного слова «кrescь» — огонь (кресиво или кресало, польское krzesiwo — огниво; кресати, кресити — высекать искры, откуда «кресник» — июнь, т. е. месяц огня) и буквально значит: возжечь пламя, а в переносном смысле: восстановить погасшую жизнь [13, 205; 32, 139]. Доказательство нашей мысли, что предок представлял душу в образе огня, мы можем еще усматривать из тех эпитетов, которые мы даем душевным движениям, — так, чувству мы даем эпитеты: горячее, пылкое, теплое; о любви, вражде и злобе выражаемся, что они возгорелись и погасли [11, 440; 13, 197]. Во всем этом нельзя не видеть отголоска древнего представления нашего предка о душе, как огне, который, по их понятию, сообщает очам блеск, крови — жар, а всему телу — внутреннюю теплоту²⁰.

Отождествление души с огнем послужило основанием для древнего человека представлять ее и под образом звезды, потому что последняя, по его воззрению, считалась тоже огнем. Это сближение усматривается в тех метафорах, которые и до сих пор ей придаются простолюдинами: «звезды горят, звезда гаснет, звезда пылает». Остаток древнего представления души в образе звезды мы встречаем также в народных верованиях, по которым рождение человека сближается с появлением на небе особо принадлежащей ему звезды, а смерть его — с падением таковой; почему, видя падающую звезду, простолюдин говорит, что «кто-нибудь умер [13, 206], чья-то душа покатилась» [74, 21]. Есть даже народный рассказ о трех сестрах-ведьмах, которым после их смерти досталось весь век гореть на небе тремя звездами близ Млечного Пути, — звезды эти называются «девичьи зори»[74, 21^п].

Идя далее в своих представлениях о душе, предки олицетворяли ее в образе дыма или пара. Можно думать, что к такому представлению о душе предки пришли или через непосредственное наблюдение над процессом горения, или через наблюдение дыхания в холодное время. Наблюдая за огнем, предки видели, что огонь сопровождался дымом, наблюдая же дыхание

признавалась огнем и у других народов. Для примера приведу слова пророка племени Шаунисов. «Отныне, — говорил пророк путешественнику Танеру, — огонь в твоей хижине никогда не должен угасать: летом и зимою, днем и ночью, в бурю и в затишье. Ты должен помнить, что жизнь в твоем теле и огонь в твоей хижине одно и то же. Как только потухнет у тебя огонь, в ту же минуту кончится и твое существование [98, 1 75].)

Подобное верование мы встречаем и у родственных нам народов. Так, индузы верили, что души умерших предков сияют на небе звездами, а по словам Аристотеля, звездой является каждая душа усопшего [13, 208].

во время холода, они замечали, что оно (дыхание) принимает вид дыма, пара, и у них происходит отождествление души с дымом, паром. Дым или пар — тот же воздух, ветер, только более чувственно могут они быть познаны, так как подлежат ощущению внешних чувств: пренятия и обоняния. Весьма естественно было народному сознанию перейти к этому представлению; оно, по крайней мере, могло удовлетворять пытливости внешних чувств, так как под душой разумелось собственно физическое вдыхание или выдыхание воздуха, или пара. На существование такого представления о душе у древнего предка указывает нам язык. Так, слова: «дух, душа» имеют корень в виде «dhu» (дуть, раздувать), от этого же корня происходит и слово «dhuma» — дым. Со словом дым (dhuma), старославянское «дымя», стоят в родстве также слова, означающие душевые способности; так, по корню ему родственны: греческ. Qumos — душа и движение страсти; славянск.: «душа и думать», литовск., «duma», «dumyti» (латышек, duhmi). Очевидно, что дым и душа в древнее время предком отождествлялись [226]²². Представления о душе в виде дыма, как остаток, усматриваются в Софийском Временнике (II, 333), где о смерти Василия Ивановича сказано: «И виде шигона дух его отшедше, аки дымец мал» [13, 209; 32, 139]. В Олонецкой губ. и до сего времени разлука души с телом нередко представляется в виде поднятия вверх какого-то пара. «Вдарил он его, — говорят здесь, — а у него и пар вон» [93, 49]. Здесь же существует и такая поговорка: «У бабы не душа, а пар» [93, 49]. Представляют душу паром и в Витебском уезде. Здесь на поминки усопшего, во время похорон, обыкновенно пекут блины; при этом главным обрядом имеется в

²² У австралийских племен душа называется «tohi» — дым [224, 276].

виду пар, который принимают за душу умершего, возносящегося на небо [219, 370].

Наблюдая явления природы, предки наши не могли не заметить и того обстоятельства, что дым или пар в пространстве принимает вид облака. Это, в свою очередь, дало им повод представлять душу в образе облака. Остатки такого представления можно видеть в сохранившейся похоронной причети, где говорится:

Как душа да с белым телом ликовалася. Быв, как облако, она да подымалася [18, 205].

Душу облаком представлял и родственный нам народ — греки. Указание на такое их представление находим в «Илиаде», где говорится, что душа Пат-рока ушла от Ахилеса, как облако сквозь землю [52]²³.

Таковы были первоначальные представления предка о душе. Эти представления были у него в период бессознательного обоготовления сил природы. Древний человек в это время догадывался о душе как о силе только по тем проявлениям творческой деятельности, какие замечал в окружающем его воздухе, огне и других вещественных элементах.

Когда же первобытный человек стал отличать то, что он видел, от того, что побуждало видимое к действию, словом — отличать внутреннее от внешнего, — тогда представление души из области стихийной перешло в область зооморфическую, и в этом направлении он стал представлять ее в образе птицы, бабочки, муhi или вообще крылатого насекомого. Основание такого представления, по объяснению г. Афанасьева, таится в отдаленных веках язычества, когда молниям

²³ Тирольские крестьяне верят до сих пор, что душа человека выходит изо рта в виде белого облака [186, 15].

придавался мифических образ червя, гусеницы, а ветрам — птицы, душа человеческая роднилась с теми и другими стихийными явлениями, а потому в представлении древнего человека она принимает те образы, какие давались им грозовому пламени и дующим ветрам [13, 214 - 215].

Остаток древнего представления души в образе крылатых насекомых мы и посейчас встречаем на Руси. Так, напр., в Ушицком уезде душу народ представляет в виде муhi [199, 149]. В Грубеновском же уезде простолюдины думают, что душа летает во время сна человека летучей мышью [199, 149]. Душа ведьмы, возвратившейся с ночных похождений, летает, по народному поверью, около своего тела муhoю и пчелою, пока не попадает в тело — свое жилище [13, 218; 75, 195]. В Ярославской и Олонецкой губерниях на бабочку смотрят как на душу человека, называя ее «душечкой» [13, 216; 18, XIII; 91, 193; 224, 277].

Если же мы обратимся к родственным нам народам, то и у них мы найдем отголоски древнего представления души в образе насекомых. Еще в древнюю эпоху греки бабочку считали душою человека. Они называли ее «*ретоменh усч*» — летающая душа. Слово «*усч*» у них означало как душу, так и бабочку. Современные же греки называют бабочку «*усисарouda*» — душечка²⁴. Славяне-сербы рассказывают, что душа *Вјенићи* (ведьмы, колдуны) летает во время сна бабочкой или птицей, и если спящую в[^]ёштицу перевернуть головой туда, где были ее ноги, то возвратившаяся душа не найдет входа в свою телесную обитель и будет продолжать летать

²⁴ «*Вјештица се зове жена, Која, има у себи некая [^]аволски дух, кози у сну не изнаде и сотвори се у лепира, у кокош или у Цурку*» (в бабочку, курицу или индейку) [234].

[13, 216]. Считают бабочку душою человека также чехи и болгары [13, 216; 91, 193]²⁵.

Что же касается представления души в образе птицы, то остаток его мы находим в похоронной при-чети, где часто встречаем такие обращения к умершему:

*Появись приди, надежная головушка,
Хоть с чиста поля явись ясным соколом,
Со темных лесов явись сизым голубем,
Хоть с глубоких озер серой утушкой
[18, 174],
Хоть с погоста прилети да черной галочкой
[18, 65].*

Или же: «Та прилизъ же ты до мене, мий братику, хоть сивым голубем, хоть ясным соколом, хоть белым либидем» [13, 220; 150]. Простолюдины до сих пор убеждены, что белый голубь — душа незаконнорожденного младенца, крещенного бабкой, задушенного и похороненного не на кладбище²⁶. Душа ведьмы, возвратившейся с ночных похождений, по поверью тех же простолюдинов, летает около перевернутого тела «то гуською, то куркою» до тех пор, пока не попадет в свое жилище — тело [75,